

Ахматов. — Бедная матушка, бедные сестры!.. дождались ненаглядного кормильца». Сколько правдивого горя звучало в словах этого развеселого, разбитного человека. Нам и то его сделалось жаль. Возвратившийся отец позвал его в кабинет и долго-долго его держал. Ахматов со слезами на глазах убежал в университет. В карцер он больше не попал и кончил прекрасно курс, а отец на другой день в карцере приказал вставить железную решетку.

Да, одним словом, сколько я в свою жизнь ни встречал казанских студентов, всегда имя отца моего произносилось ими с благоговением. Раз студенты, порицая Молоствовские порядки, собрались в рекреационном зале и, не стесняясь в выражениях, громко требовали изменений. Ни сам Молостров, ни Симонов, ни Ланге, не могли урезонить строптивых. Послали за отцом. В виц-мундире, со шляпою в руках, вошел отец в зало. Студенты моментально стихли. Подойдя к ним, отец сказал: «господа, разоидитесь, не мечите бисер! не стоит!.. лучше покориться». — Студенты молча разошлись. Отец настоял на их справедливом требовании, хотя по его же инициативе некоторые были наказаны сравнительно строго, но не исключены. Это еще более восстановило враждебную партию, и отец остался почти одиноким. Наказанные студенты с успехом окончили курс и всей гурьбой пришли к полуслепому старцу.

При жизни на казенной квартире запутанность дел не так была чувствительна. Хороший доход с Спасских имений и домов в Казани позволял отцу и матушке вести роскошную жизнь. Редкий вечер отец не посещал английского клуба, играя по 5 копеек в преферанс. Дом наш был всегда полон отборным обществом. Повара считались лучшими, и ни один дом не обходился без их участия. Но все это скоро изменилось; как разорение наше, так и здоровье отца пришли к конечному исходу. Совершенно одинокий, всеми оставленный, отец занялся своей пангеометрией. Слепота не позволяла ему писать самому, и под его диктовку писали студент 4 курса Н. И. Бюрно, кончивший курс с золотою медалью, и профессор И. А. Больцани. Последний, несмотря на свою ученость, назвал сочинения отца бредом сумасшедшего. Кстати о Больцани. Он был приезжий итальянец, приказчик книжной лавки. Отец, войдя в лавку, увидел его углубившимся в книгу. Заметив, что книга математическая, отец с ним разговорился. Здесь он убедился, что имеет дело с человеком, глубоко начитанным, достигшим образования, благодаря единственно себе, своей любви к науке. Вскоре Больцани поселился у нас. Преподавал он плохо, так как был тороплив, горяч. Выдержав экзамен, он был назначен учителем первой казанской гимназии, а впоследствии профессором физики в университете. И этот-то глубоко ученый человек не мог понять и оценить труд великого геометра-философа. Ко всем этим несчастиям алгебра моего отца не была принята, и даже не помню какая газета, критически взглянув на труд отца, выразилась: «Ожидаемый шедевр оказался горою, родившею мышь». Вскоре после смерти брата я, как-то войдя в гостиную,